

шығармалар жаза бастады. Оның ең ірісі – «Тар жол, тайғақ кешу».

«Қазақ әдебиеті тарихында» бұл шығарма «қазақ әдебиетінің қалыптасу дәуірінде шешуші роль атқарды. Фактілердің, документтердің молдылығымен де, жазушының нақты көркем суреттеуімен де жеткізіп суреттейтін күрделі роман әрі тақырып жаңалығымен, әрі тарихшылдық пен суреткерліктің жарастық табуымен кімді болса да қызықтырады» деп бағаланды.

XX ғасыр басындағы тарихи оқиғалардың энциклопедиялық анықтамасы болған роман-эссенің тарих мен әдебиеттің бел қайыстырар ауыр жүгін қосарлай арқалауы, құйынды да дауылды, шапағатты да қасіретті кезеңнің шежіресін жасап беруі Сәкен үшін ғана емес, бүкіл әдебиетіміз үшін олжа. Өйткені ұлтымыздың тағдыры тәлкекке түскен 1916 жыл зобалаңының ортасында, 1917 жылы елді қаңсыратқан қияметқайымның басы-қасында қазақтың ойы толғамды, тілі өткір, қаламы ұшқыр сөз зергерлері аз болған жоқ, алайда олардың ішінен шыңға шыққан шынардай тек Сәкеннің ғана «Тар жол, тайғақ кешуді» жазуы, бірінші уақыт талабы болса, екінші автордың қаһарман батылдығын, ұрпақ алдындағы адалдығын, әлеуметтік парызын мықтап сезінгенін аңғарғаны сөзсіз.

Сәкен Сейфуллиннің «Тар жол, тайғақ кешуі» – қазақ кеңес прозасының туып, қалыптасу дәуіріне дүниеге келген беленді туынды болғандықтан социалистік реализм әдісін игеру бағытында қандай өнерпаздық өткелдерден өту керектігін айқын аңғартқан, үлкен жанрлық сапарға дайындалған поэзиямыздың принциптік бағдарын біршама дәл белгіленген, бүгінгі өмір шындығын көркем шығарманың арқауы ету керек деген негізгі қағиданы тәжірибе жүзінде дәлелдеп, роман жанрын игеруге әбден мүмкіндік барын айқындап берген шығарма болды.

Сәкен шығармаларының идеялық-эстетика-

лық нысанасына назар аударған уақытта көркем шеберлікті ұстарту жолындағы іздеріне көз салмасқа болмайды.

Қазақ мәдениетінің тарихында үлкен құбылыс болған «Қазақ әдебиеті» атты монументальды еңбегінің орны бөлек. Өйткені ол біріншіден жоғары оқу орындарының оқу құралына зәрулігін өтеді. М.Әуезовтің «Әдебиет тарихы» деген еңбек жазып, 1927 жылы шығарма болғаны рас. Бірақ, сол кездегі әпербақандар ол кітапты шығартпады, дайын тұрған тиражын өртеп жіберген болатын. Екіншіден, қазақ ауыз әдебиетінің тарихын Сәкен ғылыми жүйемен талдап, қазақ фольклористикасының негізін мықтап қалады. Ол қазір өрістей дамып, едәуір биіктерге қол созды.

Тарих әркімнің тілегімен жасалып, жоспарланбайды. Замана ағымын аңғартып, кезең шындығын түсінген саналы азамат қана көздеген мақсатына жетеді, абырой-беделге ие болады. Сондықтан «Сәкен – қазақ совет әдебиетінің негізін бірден-бір қалаушы, көшбасшы болды. Тарих оған жүктеген міндетті ешқайсымыз атқарған жоқпыз. Тарихқа зорлық жүрмейді» - дегенді Ғабит Мүсірепов айтқан уақытта Сәкен өнерпаздығы мен қайраткерлігін түгелдей жасап, жаңа мазмұнға лайық жаңа түр тапқанын, әдебиеттің бар саласында еңбектеніп, қадау-қадау биіктерін жасап бергенін тарих еш уақытта ұмыта алмайды.

1. Қазақ әдебиетінің қысқаша тарихы. 2-кітап. Алматы «Қазақ университеті» 2002. 247-268 беттер.

2. С. Мұқанов. «Өсу жолдарымыз». Мақалалар. Алматы, 1960, 172-бет.

* * *

В статье рассматриваются жанрово-художественные искания и новаторство, классика казахской литературы Сакена Сейфуллина.

* * *

The article deals with the genre-art seeking and innovation, the classics of Kazakh literature S. Seifullin.

Фарида Рамиз кызы Сафиева

ОБРАЗ МАТЕРИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАБИ ХАЗРИ

Тема матери всегда была актуальна в Азербайджанской литературе, особенно в поэзии. Не было ни одного поэта, который не затронул бы эту тему. И многие из произведений пропитаны искренностью, любовью. Большинство поэтов посвящало свои стихи матерям не в ранней

молодости, а в годы зрелости, в пору подведения итогов пройденного пути. Это так. Но великий Азербайджанский поэт Наби Хазри еще в середине 60-х годов XX века, будучи достаточно молодым, написал стихотворение «Старенькая мать». - Вот оно:

Она, как лист пожухлый,— так стара.
Лицо ее, как темная кора.
Но стоит мне поникнуть от бессилья,
О ней я вспомню...
Обретаю крылья.
И вновь она за мною, как гора. (1)

Образ матери-защитницы является главным и в его поэме «Мать». А что было недосказано, что ждало своего выхода «в свет» и накапливалось в сердце, чутко отзывалось на постоянное обновление жизни, на движение времени, предстало в особом, неповторимом мире лирической поэмы.

«Этой поэмой поэт-сын воздвиг памятник матери, языком поэзии, описывая весь жизненный путь матери-труженицы, ее большую любовь к своим детям». (2)

Вершина
В венце высочайшего снега —
мать моя.
Подруга, Ровесница,
Спутница века —
мать моя... (3)

Определив в начальных строках поэмы сыновнее чувство как гражданское, поэт доверительно делится с читателем тем глубоко нежным, негромким, но великим чувством любви к матери, которое он несет в себе как вечную память о той, что подарила ему жизнь, а значит, и Родину:

С тихой ласки твоей
Начинается Родина... (3)

Сколько в этих спокойных, негромких словах высочайшего смысла, причастности ко всему, что есть великого и святого в отчем крае, в делах и думах земляков! И как оправданна гордость сына за мать, оставившую его «наместником» на родной земле, наследником духовных богатств народа!

Так органично возникает в поэме тема гражданской ответственности поэта, проблема социального звучания искусства, верности народным идеалам. Можно с уверенностью сказать, что вне этого и немислим был бы разговор о любви к матери, к жизни, к Родине. И вот почему. В чувствах к матери кокетство, поза исключены. И если разговор идет с матерью и о матери, то искренность обуславливает беспощадную правду и о себе. Все это есть в поэме Наби Хазри. И потому-то видится ясный в своей грусти и тревожный в своей ясности мир поэта. Для чуткого читателя открывается с «вершины» этой поэмы весь-поэтический «материк» Наби Хазри. Поэма «Мать» и есть «светлая песня» его души. В этом определении ее смысл и пафос, ее лирическое настроение, бережно сохраненное и переданное в переводе А. Передреева.

Гладит волосы мне

Так прощально,
рукой шелестя.
Гладит волосы мне.
Шепчет:
— Сын мой...
Дитя...
Как дитя,
Я, отец трех детей,
Как дитя,
Я стою перед ней.
О печаль моя тихая,
мать! (3)

Поэт рассказывает в своей лирической исповеди о доме, о семье. Но эта «семейственность» отмечена самым высоким поэтическим звучанием. Потому что вне ее нет, немислимо слово мать. А дальше замыкается ассоциативный ряд: мать — сын — дитя — дети. Поэт как бы возвращается к однажды сказанному в стихотворении «Поют цикады»:

Вот на коленях матери своей
Себя я вижу маленьким ребенком. (1)

Но если в стихотворении это был прием, с помощью которого обозначалась обостренность слуха человека, понимающего песнь цикад, то здесь, в поэме, с помощью ассоциативного ряда поэт восстанавливает в памяти сердца свой жизненный путь, неотрывный от святого имени мать. И потому так неизбежно для него это повторяющееся «Если б стал я ребенком». С его детством связана юность матери, радость материнского чувства, ясность материнской песни.

Поэт опять и опять мысленно возвращается к жизни матери — обыкновенной женщины, не знавшей грамоты и безраздельно преданной семье, детям.

Ты мне звезды дала
И сияние дня.
Помогла ты мне
Многое в мире понять.
Хоть сама не могла
Ни читать,
Ни писать. (3)
Дальше поэт пишет:
Почему ты
поэтом
меня родила?
Почему
я склонен
над квадратом стола?
А мечтал я
геологом стать.
Разве плохо.
Если в даль голубую
Уводит дорога?
Почему я не стал
в этом мире
врачом? (3)

Такая «многомерность» свидетельствует о зрелости поэта, накрепко связавшего свою судьбу с родиной и с судьбой любимой матери. Вне этих двух «полусов» для поэта-гражданина немислимы

ни жизнь, ни творчество, ни счастье. И потому, как ни безмерно горе утраты, оно не иссушает сердце поэта. Оно не гасит в нем «тяжелым снегом печали и разлуки» поэтического огня.

Теперь к тебе
Я буду приходить,
С тобой
Без слов
Я буду говорить...
Над этою
Могильною травой,
Пока я жив,
Я памятник живой!
Когда умру.
Как отзвук дней твоих,
Среди живых
Останется мой стих! (3)

На столь высоком накале и можно было бы завершить поэму. Но поэт не все сказал. Ведь он еще и отец, и его дети — живые ветви матеря его. Вот почему последняя подглавка «Когда мне ночь...» посвящена дочери, которая

Чинары древней
Тоненькая ветвь,
От матери моей
Живая весть —
Моя родная дочь,
Пери-ханум...
И я согрет.
склоненный над строкой.
Твоим дыханьем
и твоей рукой. (3)
Эти спокойные в своей нескончаемости слова

о матери и о юной дочери венчают светлую песню души поэта.

Но в том-то и сила подлинной поэзии, что она становится с момента своего обнародования достоянием каждого. Поэма «Мать» Наби Хазри эта народная песня, ибо «народная песня,— как верно заметил Н. Г. Чернышевский,— должна прилагаться к чувствам решительно каждого человека, иначе она не нужна целому народу, а годится только для нескольких отдельных лиц».

В.Юсифли и С.Сарханлы обращаясь к поэме «Мать» отмечают: «В поэме Наби Хазри образ матери обретает визит в мировую антологию, так же как образ сына в произведении П.Антокольского «Сын». (4)

1. Наби Хазри. «Когда мне сорок...». Стихи и поэма. Азербайджанское государственное издательство. Баку. 1964.

2. Сеидов Ю. Литературная критика и языкознание. Баку, Язычы, 1986

3. Наби Хазри. Мать. Поэма. Перевод с азербайджанского А.Передреева. Журнал «Огонек» № 21, 1971.

4. В.Юсифли и С.Сарханлы. Поэзия мыслей и чувств. Журнал «Азербайджан» 1999, №10, с.19-30.

The mother theme is an actual theme in the Azerbaijan literature. Some poets write about this theme in the beginning of their ages.

Famous Azerbaijan poet Naby Khazry in the beginning of his creative work wrote poems about mother, but then he wrote the poem “Mother”.

This poem is famous for its completeness.

Е. А. Старикова

СУЩЕСТВОВАНИЕ НА ГРАНИ АБСУРДА (РАССКАЗЫ Л.С.ПЕТРУШЕВСКОЙ 1970-1990 ГОДОВ)

Проза 1990-х годов наметила тенденцию к изменению некоторых направлений своего развития. В литературе этого времени, как на Западе, так и на территории постсоветского пространства заговорили о видоизменении существующего художественного направления, а именно - о синтезе реализма, модернизма и постмодернизма.

По словам Н.Л.Лейдермана и М.Н.Липовецкого в конце XX века развивается «... процесс, выходящий за пределы одной национальной культуры и характеризующий становление нового типа культурного сознания»[1,584]. Этот метод исходит из цели классического реализма – раскрыть весь спектр отношений между человеком и миром, но в XX веке он рассматривает

более сложные, перешедшие на новый уровень представления о человеческой личности и реальной действительности в целом. Этот феномен исследователи называют постреализмом. Характерными чертами нового метода стали алогизм, абсурд, логическая непостижимость. «Если исходной аксиомой традиционного реализма было «в реальности есть смысл!», модернизма – «в реальности нет смысла!», то в новом смикшированном направлении авторы и художники не осмелились утверждать, а сменили это непрерывным вопрошанием – «Что есть реальность? Как сделать смысл реальным, а реальность осмысленной?», - отмечают исследователи [1, 585]. В основе новой парадигмы – «универсально понимаемый принцип относительности,